

ГЕОРГИЙ
ПЕРСИКОВ

ДЪЛЮ.О

Трех рубинах

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П27

Художник — *Анна Гайворонская*

Серийное оформление — *Екатерина Фerez*

Издательство благодарит литературного агента Ирину Горюнову
за содействие в приобретении прав.

Любое использование материала данной книги, полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Персиков, Георгий.

П27 Дело о трех рубинах : [роман] / Георгий Персиков. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Старый добрый детектив).

ISBN 978-5-17-100431-6

Лето 1905 года. Южный Сахалин. Молодой доктор Георгий Родин вместе с братом, опальным разведчиком Борисом, в партизанском отряде штабс-капитана Гротто-Слепиковского героически сражаются против японских захватчиков.

Однако благосклонная судьба снова дает храбрецам шанс. Военный министр извлекает из-под сукна разработку Бориса — план операции «Три рубина». Вместе со специалистом технической разведки красавицей Марией Очеретиной братьям предстоит отправиться в Европу, чтобы раздобыть артефакты, способные переломить ход Русско-японской войны.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100431-6

© Г. Персиков, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие

Одиннадцатый год царствования императора Всероссийского Николая II был черен, как кусок антрацита. Как одеяние отрешегося от мира монаха. Как лютое горе. Как смертный грех. Лето 1905 от Рождества Христова несло жителям второй по величине мировой державы одни лишь беды, разочарования и тревоги. Становилось неустойчивым все доселе незыблемое — грозная слава русского оружия, потом и кровью завоеванные границы, да и власть самодержавная тоже. А ведь еще полтора года назад Российская империя приводила в трепет соседей ближних и дальних одним лишь своим названием, шагала вровень с мировым прогрессом, порой обгоняя его по хитрым тропкам, и была в меру счастливым государством. Глупость и алчность — плохие попутчики, особенно для самых сильных.

В Петербурге маленькую и победоносную войну хотели и ждали сановные советники го-

сударя. О необходимости нанести сокрушительный удар по зарвавшейся азиатской островной империи наперебой судачили в светских салонах и призывали с университетских трибун. Столичные журналы публиковали шапкозакидательские карикатуры, в которых бородатые казаки давали прикурить «макакам». В трактирах и чайных разглагольствовали о грядущих баталиях и скорой неотвратимой победе. Даже сам император в беседах с августейшими коллегами весомо произносил: «Укрепление и усиление России в Восточной Азии имею я как важнейшую задачу именно своего правления».

Однако все пошло вопреки радужным планам принуждения к капитуляции «желтозых япошек» в три месяца. Окончательно закрепить за собой, понимаешь, Маньчжурию и Корею, да обложить проигравших миллиардными контрибуциями — отнять у них китайское серебро, коим островитяне похвалялись десять лет назад. Вспомнились редкие трезвые аналитические оценки, предупреждавшие об опасности войны со стремительно прогрессирующей пятидесяти-миллионной державой в десяти тысячах верст от основных своих европейских баз. Неожиданно стали очевидны последствия военного союза Японии с Британской империей и тесного по-

лувекового сотрудничества с Северо-Американскими Соединенными Штатами. Если подзуживание Лондона врагов России не выглядело чем-то новым, то откровенная враждебность американцев смутила многих российских либералов. Как же так, ведь столько взаимных симпатий высказывалось общественностью двух больших стран еще с екатерининских времен. И вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Внешнеполитические просчеты патриотической прессой объяснялись поначалу теорией заговора. Солидное «Новое время» тоже не осталось в стороне: «Нет сомнения, что без обеспечения Америки и Англии Япония не сунулась бы с нами в войну!»

Между тем даже само время было союзником микадо. Мощная эскадра под командованием славного адмирала Вирениуса с Балтики двигалась на Дальний Восток. Пара-тройка месяцев — и Россия получила бы основательное преимущество над флотом Японии. Поэтому островные самураи ждать у моря погоды не стали. На рейде Порт-Артура были внезапно торпедированы лучшие корабли русской Тихоокеанской эскадры.

А в ходе сражения у Чемульпо бессмертную славу завоевали крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец». Не так себе представляли

начало войны с японцами петербургские стратеги. Один лишь адмирал Макаров во всеулышание заявлял о превосходстве вражеского флота. Но и отважный флотоводец вскоре замолк — его броненосец «Петропавловск» подорвался на японских минах. Одновременно мощный десант противника взял с ходу Пхеньян, выйдя к китайской границе, а русский форпост Порт-Артур был взят в клещи с моря.

Слава и всеобщая поддержка сопутствуют лишь победителям. Многочисленные союзники Российской империи начали дружно изыскивать причины, по каким они не в состоянии исполнить свои обязательства, прописанные в договорах и секретных к ним приложениях. Франция поспешила объявить, что все обещания о взаимной помощи относятся исключительно к европейским делам. Германия сделала вид, что прислушалась к оживленной общественной дискуссии, в ходе которой правая печать призывала помочь России, а левая, напротив, сыпала проклятия на «попирателей свободы последнего независимого азиатского государства». Кайзер Вильгельм же высказался, что-де неплохо бы русским помочь с расовой точки зрения, но предпочел все же оставить своим частным мнением. Через несколько

месяцев бесплодного ожидания и жонглирования дипломатической перепиской даже самым упертым сторонникам всеевропейского монархического братства среди окружения Николая II стало ясно — помощи ждать неоткуда.

Дальше события развивались все пасмурнее и пессимистичнее. Японцы начали успешное наступление в Маньчжурии, споро продвигаясь через горы, реки и пески. Без боя был оставлен порт Дальний. Яростным натиском прорвана поспешно возведенная линия обороны на перевалах Волчьих гор. И спустя полгода непрерывной череды поражений Порт-Артур был взят еще и в сухопутную осаду. Российские войска перешли к героической обороне, заставившей проникнуться уважением к русскому солдату даже не очень-то впечатлительных японцев.

Столичная пресса пересказывала историю о метком стрелке из башкирцев, который на посту в кромешной тьме застрелил троих гусей, приняв их за вражеских лазутчиков. А уже на следующий день этот же невзрачный солдатик отбил раненого поручика и двоих своих контуженых товарищей у взвода японцев. И все это с одной лишь трехлинейкой, кою непатриотичные леваки уже начинали поругивать за худшую точность и кучность стрельбы

в сравнении с японскими винтовками. Медаль и Георгиевский крест за сутки — вот как наши-то бьются! Имена лейтенанта Подгурского и троих охотников из Пятого полка стали знамениты на всю страну. Верный глазомер, крепкие руки, несколько мешков пироксилиновых шашек — и трех рот японских горных стрелков, уже праздновавших взятие укреплений, как не бывало! Чудо-богатыри страдали от цинги, жили на хлебе и воде, но продолжали держаться, перемалывая в сражениях один за другим японские полки. Но такое не могло продолжаться бесконечно. Под Рождество Порт-Артур пал.

Японцы торжествовали. Это ничего, что их потери втрое превышали число убитых и раненых у русских. После долгой изоляции и уступок перед играющими мускулами белыми, Ниппон наконец-то снова занимала законное место на мировой арене, овеянная лучами славы. Царские генералы решили пустить в дело лучшие свои части — дивизии забайкальских и донских казаков. Семь тысяч всадников отправились в набег по тылам японцев в Маньчжурии. Почти две недели мчалась конница по степям да горам, рубя в капусту вспомогательные отряды и разрушая железные

дороги и мосты. Всего четыре сотни людей потеряли казаки убитыми и ранеными — вот она, первая и такая долгожданная победа! Но не принес рейд долгожданного перелома в войне. Инженерные части японцев споро восстановили пути сообщения. А убитые... Что ж, самураи вспомнят о них потом, когда уже будут праздновать окончательную победу. Ничем завершилась и пехотная наступательная операция при Сандепу. Смелые атаки сибиряков обесценивались кухонной перебранкой генералов, которые никак не могли избрать общую тактику. Ударные отряды штурмом вышибали из укреплений японцев, но затем отступали, не дождавшись поддержки. Двенадцать тысяч жизней было отдано понапрасну только из-за того, что амбициозные русские военачальники так и не сумели меж собой договориться.

А новый год принес новые горькие поражения. Была проиграна трехнедельная битва под Мукденом, которая на тот момент стала крупнейшим сухопутным сражением за всю историю человечества. Подполковник Антон Деникин с горечью говорил, что во время того разгрома впервые в жизни увидел панику среди русских войск. Полностью была уничтожена сильная русская эскадра в яростном Цусимском бою —

тоже самом крупном за все тысячелетия военной истории до того. Лишь четыре русских корабля из тридцати восьми смогли вернуться в родные порты. Могучая империя впервые за долгие годы почувствовала себя как боксер на ринге, пропустивший несколько сокрушительных ударов. А в довершение всех бед по всей стране запылала самая настоящая революция. Народные массы восставали против векового угнетения и требовали справедливости. Потому, когда в июле японский десант высадился на Сахалин, немногочисленным русским частям на этом острове приходилось надеяться только на самих себя.

Полнокровная дивизия генерала Харагути Кэнся пересекла узкий перешеек между северной оконечностью Хоккайдо и южной Сахалина в начале июля. Десять пароходов неустанно мотались челноками, перевозя четырнадцатитысячное войско, артиллерию, припасы и многочисленных гражданских, которые должны были утверждать власть императора Муцухито на завоеванных землях. Берега залива Анива обагрились кровью. После короткого яростного боя русскими был оставлен пост Корсаковский. Попытка полковника Арцишевского закрепиться в селе Соловьевка оказа-

лась безрезультатной. Несколько дружных атак под флагом Восходящего солнца — и сводный отряд защитников откатился далеко на север. Пятнадцатая Императорская дивизия походным маршем дошла до Владимировки, где без промедления начала строить укрепления — по реке Лютоге и на склонах окрестных сопок. По плану, разработанному Генеральным штабом в Токио, именно здесь со временем должна была расположиться столица новой префектуры Карафуто. А пока бывшей Владимировке, а ныне Тохаре, предстояло отстраиваться и перестраиваться.

С этого момента все боевые действия на Южном Сахалине начали вестись по тому же принципу, что и во время Отечественной войны. Однако материковые крестьяне на своих исконных землях бились с куда большим воодушевлением, нежели каторжане, взявшие в руки оружие, дабы обрести волю. Винтовки-то у них, чай, и так есть — какой же резон слушать офицериков да лезть под пули? Да и оккупационный корпус чувствовал себя на этой земле гораздо увереннее, чем наполеоновские вояки в глубине континента. Те же сопки да непролазные леса, что и в Японии. Те же туманы и та же изнуряющая влажность.

А с лесными разбойниками солдаты не церемонились — им был дан четкий приказ уничтожать всех, кто встретится за границами населенных пунктов. Потому налеты малых групп русских не оказывали на японцев ожидаемого воздействия. Враг был постоянно начеку. Вылазки же зачастую заканчивались гибелью всей команды смельчаков.

Отряд штабс-капитана Гротто-Слепиковского закрепился близ озера Тунайча. Отсюда было по сорок верст и до Владимировки, и до поста Корсаковского — достаточно близко, чтобы совершать рейды на япошек, но вместе с тем довольно далеко, дабы иметь возможность укрыться. Немалое значение имели и озера, богатые рыбой, — уж что-что, а голодная смерть партизанам не грозила. Кадровых военных в отряде было совсем немного. Основу его составляли охотники да жители немногочисленных сел южной оконечности острова. Сто девяносто человек, твердо решивших бить неприятеля, покуда остается порох. Недаром военный губернатор генерал Ляпунов почитал сей отряд за наиболее боеспособный.

Именно у Гротто-Слепиковского и оказались братья Родины, полюбившие Сахалин не меньше своей родной средней полосы...

Часть первая

